

В обычные дни Виселица Донмин будет ожесточена, когда увидит, как он играет в игры по телефону.

Так что теперь, чувствуя острые глаза всех, Хан Шао Цзе подсознательно подумал, что он, должно быть, снова расстроил своего отца, играя со своим мобильным телефоном.

Итак, в страхе Хан Шаоджи немедленно опустил голову и прошептал: "Папа, я был неправ".

Хан Шаоджи думал, что неизбежно последует раскол собственного отца, злобная ругань.

Тем не менее, Хань Шаоджи никогда не ожидал, что Хань Донмин скажет глубоким голосом: "Нет, Шаоджи, ты не ошибаешься, это я ошибаюсь"!

"Это..."

В то время Хань Shaojie был ошеломлен, думая про себя, всегда сильный старик, почему это вдруг извинения перед самим собой.

Может быть, это было правильно?

Хан Шоджи еще больше испугался и горько сказал: "Нет, папа, ты прав, я ошибался".

Хан Донмин: "Нет, сынок, ты правда не ошибаешься. Это папа ошибается."

"Не надо, папа. Ты действительно не ошибаешься, и это я ошибаюсь". Хань Shaojie был так напуган, что он собирался плакать, думая про себя, что его старик был мохнатый, если бы он хотел побить его, он бы побил его, если бы он хотел ругать его, вы не играете с вашим сыном, как это а?

"Шоджи, это действительно папина вина~"

"Нет, папа, это моя вина!"

Люди рядом со мной были в замешательстве.

Я подумал про себя: "Неужели это отец и сын пристрастились к этой игре?"

В конце концов, Хан Донмин набрался терпения и отшлепал: "Заткнись, ты!"

"Если я скажу, что это вина моего сына, то это вина моего сына!"

Хан Шаоджи честно дал пощечину своему собственному отцу, но тогда он чувствовал себя намного лучше.

Я подумал: "Это нормально?"

Вот каким должен быть его отец.

В это время, однако, Хан Дон Мин продолжал: "Шаоджи, мне жаль. Это я тебя неправильно понял, и это глаза собаки отца неправильно поняли твоего друга, хозяина Йе".

"Ты должен помочь папе найти его, и мы должны извиниться перед Мастером Йе лично."

"И от мастера Йе зависит, сможет ли твой отец пережить эту катастрофу."

"Ты мой сын, ты должен помочь мне найти его,"

Хан Дон Мин сказал мягко, больше не имея тот же ненавистный гнев по отношению к Хан Шаоджи, что и раньше, и его тон был гораздо ниже и спокойнее.

Только когда Хан Шаоджи услышал об этом, вечеринка полностью поняла.

После всей этой суеты, его старик пришел умолять его найти Йе Фан ах.

"Я не пойду!"

"Любовь, которая идет?"

"Я просто лоскут, я завожу друзей-лис, я не знаю никакого Мастера Йе?"

Хань Шаоджи в то время тоже была в настроении.

В конце концов, его прежняя филиальная набожность не давала ему возможности пригласить Йе Фана на помощь. Но каков был результат? Не говоря уже о том, что его избили, но люди пришли помочь Йе Фан с благими намерениями, и вместо этого его прогнали?

"Вы не поверили мне раньше, когда я сказал, что Ван был мастером высшего порядка, но теперь, когда вы его заставили уйти, вы сожалеете об этом? Опять думаешь обо мне?"

"Когда ты обращался с друзьями, которых я пригласил таким образом, ты когда-нибудь боялся одной точки лица своего сына?"

Когда он вспомнил, что только что произошло, Хан Шаоджи был наполнен гневом в сердце.

Раньше он боялся, что Виселица Донмин побьет его, поэтому не осмеливался ничего сказать.

Теперь, когда Хан Дон Мин попросил его о помощи, он просто сказал весь гнев в своем сердце.

Ye Fan и Shen Fei и другие были, в конце концов, его друзьями, и он пригласил их. Но его отец, Хан Дон Мин, не обращал ни малейшего внимания на лицо сына, публично оскорбляя таким образом человеческий мир, и даже использовал вооруженную полицию, чтобы изгнать людей! .

Это, несомненно, заставило Хань Шаоджи потерять лицо перед своими друзьями.

У него даже не было лица, чтобы встретиться с Йе Фан и другими сейчас.

Услышав эти слова от Хань Шаоджи, сердце Хань Донгмина также было наполнено чувством вины, склонив голову и сказав стыдно: "Шаоджи, это папина вина, это все моя вина, это... Я неправильно понял тебя и заставил потерять лицо перед твоими друзьями".

"Отец знает, что он ошибался, поэтому он подумал попросить тебя отвезти меня к Мастеру Йе, и мы извинимся перед остальными на людях."

"Это больше, чем просто спасение твоего лица, это спасение карьерного пути твоего отца."

"Сынок, твой отец сейчас в настоящей беде, ты не можешь не помочь."

Хан Дон Мин в редком движении опустил кадр мэра, и горько говорил с Хан Шаоджи, убеждая его. Зная правду и двигаясь с умом, он, отец, как будто плакал и умолял его.

"Я не пойду!" Хан Шаоджи все еще злился.

"Шао Цзи, ты только что смирился с этим?" Хан Донмин сказал горьким голосом.

Хан Шаоджи остался решительным: "Не уходите!"

Щелк.

Виселица Донгмин прошла мимо пасты и сурово сказала: "Ублюдок, ты идешь или нет?".

Хан Шаоджи прикрыл лицо и был на грани слез, тогда он сказал: "Папа, я не могу пойти?".

"Ты ублюдок, ты не слушаешь меня, когда тебе вежливо говорят, что ты не слушаешь, но ты должен позволить мне это сделать? Ты, отродье, просто должен курить". Хан Донмин сказал злобным голосом.

Потом он заставил своего сына найти Йе Фан.

Однако, Хань Shaojie не знал Ye Fan долго, и единственное знание, которое он имел о Ye Fan было через Shen Fei.

Теперь, если вы хотите найти Ye Fan, вы можете связаться только с Shen Fei снова.

Но Шэнь Фэй не ответил на телефон Хань Шаоджи, очевидно, из-за сегодняшних событий, чтобы возродить гнев Хань Шаоджи.

Не было хорошего способа сделать это тоже?

Хан Шаоджи мог только беззастенчиво продолжать контакт.

В конце концов, он даже попросил своего собственного отца вмешаться и связаться с Шэнь Цзюй. Попросить Шэнь Цзюй снова привести Шэнь Фэя.

-----.

Пока семья Хань Shaojie неистово искала резиденцию Ye Fan, Ye Fan и Lu Wenjing и другие уже возвращались домой.

"Брат Йе Фан, ты потрясающий".

"Как ты можешь сказать, что сырой камень - это лом?" По дороге Лу Вэньцзин вспомнила, что только что произошло, но она не могла перестать вздыхать.

Всего через несколько дней совместной работы Лу Вэньцзин обнаружил, что этот шурин, которого она когда-то презирала, вовсе не так некомпетентен и посредственен, как говорила семья Цю.

Скорее, Лу Вэньцзин чувствовал, что Ye Fan был особенно мощным и способным.

Он не только мог увидеть, настоящая ли картина или подделка, но и определить, хороший это камень или плохой.

Глядя на путаницу, написанную большими яркими глазами Маленькой Лори Лу Вэньцзин, Йе Фан потерла голову и избаловала ее: "Цзин Цзин, на самом деле У тебя, брат Йе Фан, есть огненный глаз".

"Тогда я заглянул в ванну твоей сестры Осенью, и когда меня обнаружили, я положил ее в скороварку и сжигал ее бушующим огнем в течение семьдесят семи и сорока девяти дней, и в конце концов железная кастрюля взорвалась. Небо и земля радикально изменились. Твоя сестра Осень не смогла сжечь меня до смерти, а вместо этого помогла мне попрактиковаться в божественной силе огненного глаза".

"Эти мои глаза могут не только отличить истину от лжи, хорошее от плохого, но и проникнуть в сердца людей и заглянуть в прошлое и будущее".

Йе Фан сказал глубоким голосом.

Лу Вэньцзин моргнул ее глазами и был ошеломлен, а затем выдохся от смеха.

Серебряный колокольчиковый смех был похож только на дрожащую, как весенний ветерок, ветку цветка.

"Брат Йе Фан, ты такой забавный."

"Жить с братом Йе Фаном, жить вместе, наверное, тоже интересно".

"Раньше я всегда чувствовала себя недостойной сестры Цю, но теперь я начинаю думать, что сестра Цю тоже может выйти за тебя замуж. Блаженство, да?"

Лу Вэньцзин наклонил ее белоснежное, молодое и красивое лицо, увлеченный Ye Fan, но hehehe смеется.

<http://tl.rulate.ru/book/41102/967283>